

Запертый во Дворце Наказаний Юн Линь, который с детства вёл роскошную жизнь принца, в итоге вкусил мирской жестокости.

Юноша был заключён в четырёх стенах с арестантом, еда и одежда были не сравнимы с тем, что он ел и носил раньше, взывать к Небу было бесполезно, также невозможно было увидеться с отцом-императором. Юн Линь с самого начала надеялся на матушку, наложницу Шу, но кто бы мог подумать, что Ту Дун принесёт с собой, помимо некоторых предметов обихода, ещё и плохие вести: наложница Шу находится под арестом в своём дворце, с ней нельзя было говорить, навещать, и, оказывается, даже родной порог дома ей запрещалось переступить.

Остальные родственники и старые друзья, по словам слуги, также жили в постоянном страхе, лишь ожидая, когда ужасные бедствия обрушатся на их головы.

Несчастья, что могли перевернуть гнездо, уничтожив все яйца [1], можно сказать, и впрямь наступили.

Непослушный с детства, делающий всё назло, избалованный всеми, невежественный и заносчивый Юн Линь, услышав, что хозяин Поднебесной незаурядный человек, тотчас же чувствовал кислый запах.

Но сейчас ему стали понятны отношения между государем и подданными, отцом и сыновьями — хозяин Поднебесной действительно был безжалостен. Хорошо, когда у любящих родителей были почтительные дети; стоило только отцу-императору рассердиться, он тотчас же заключил в тюрьму и подверг их наказанию, не проявив ни капли милосердия.

Он страдал, ну и ладно, но Юн Линю было невыносимо смотреть на мучения Юн Шаня!

Юн Шэн несколько раз требовал дело для самостоятельного рассмотрения, придумывая истязания наследному принцу. Хоть его и остановил Сюань Хунинь, не позволяя прибегать к самосуду, однако общее наказание тоже было достаточно жестоким!

Каждый раз, стоя в стороне и наблюдая, Юн Линь сожалел, что эти железные палки не избili его тело. В прошлый раз он действительно пришёл в бешенство и бросился на стоящего наверху Юн Шэна, нанося тому сильный удар.

Если бы не множество слуг, которые крепко держали его, Юн Линь несомненно избил бы Юн Шэна так, что тот выплюнул бы собственные лёгкие.

— Старший брат, не нужно беспокоиться! — Увидев, что Юн Шань, лёжа на кровати, двинулся, юноша выпустил из рук миску риса и поднялся, чтобы поддержать его. — Чего-нибудь захочешь, тотчас же скажи. Твоё тело ранено, и его как раз перебинтовали, осторожно, иначе раны откроются.

— Ничего не хочу, лишь устал спать в одном положении, а ты хорошенько поешь.

— Я хорошо поел, могу покормить тебя немного. — Юн Линь подошёл и, взяв стоящую на столе недоеденную миску риса, поднёс её Юн Шаню. Придерживая тело брата, юноша взял палочками рис и начал его кормить. — Ешь, старший брат, я пробовал, есть можно.

Юн Шань невольно улыбнулся:

— Ты всё ещё боишься, что меня могут отравить.

— Конечно. — Юн Линь вновь стал серьёзным. — Старший брат сейчас является драконом на мелководье, тигром, спустившимся в долину [2], любая ничтожная чёрная душа, пользуясь тем, что старший брат попал в беду, причинит вред. Как быть тогда? Я ничего не умею, только и могу, что пробовать пищу. Если кто-то действительно захочет отравить старшего брата, то сначала отравит меня, а там видно будет. Увы, к сожалению, я не могу вместо старшего брата терпеть побои... — Глаза юноши покраснели, он остановился, так и не договорив.

Юн Шань хоть и нахлебался горя, но, услышав последние несколько слов близнеца, которые звучали заботливее любых сладостных речей, почувствовал, как всё тело охватывает тепло.

Будучи таким же, как отец-император, сдержанным, неохотно проявляющим чувства, юноша глубоким взглядом посмотрел на Юн Линя, опустил голову и, пользуясь тем, что младший брат его кормит, стал понемногу жевать рис.

Только Юн Шань съел половину, как снаружи тюремной камеры раздался лёгкий лязг ключа в дверном замке.

Юноши предположили, что, скорее всего, это пришёл Мэнь Ци, а то и Ту Дун, который, возможно, незаметно принёс им какие-нибудь вещички, оказывая поддержку.

Братья сидели не шелохнувшись, лишь бросали взгляды на дверь.

Наконец дверь открылась, и, увидев пришедшего, юноши внезапно оцепенели.

Они посчитали, что ошиблись.

Огненный император Янь-ди сидел, склонившись набок, на мягком стуле. Двое сильных слуг внесли мужчину в камеру.

— Его Величество прибыл.

Долго хранящий молчание Юн Линь, услышав эти слова, внезапно вздрогнул и пришёл к осознанию.

Руки опустились, пиалка с рисом и палочки упали на холодный, сделанный из грубого кирпича пол.

— Отец... отец-император? — Юн Линь поднялся на ноги, внезапно повышая голос до крика. Шатаясь из стороны в сторону, юноша бросился вперёд и, упав на колени, крепко обнял укутанные в толстый тюфяк ноги Огненного императора Янь-ди. — Отец-император, отец-император, Вы... Вы не забыли нас? Отец-император, наконец-то пришли! — Ноющая боль, что долгое время подавлялась, сейчас лавиной мгновенно прорвалась, и юноша залился слезами.

Юн Линь крепко обнимал ноги Огненного императора Янь-ди.

Мужчина, опустив голову, посмотрел на своего третьего сына, что был облачён в потрёпанное платье и чьи волосы были спутаны, который всегда был полон воодушевления, а сейчас неожиданно рыдал во всё горло, словно восьмилетний ребёнок. Протянув руку, император утешающе погладил дрожащую широкую спину плачущего Юн Линя и, ласково глядя на него, последовательно проговорил:

— Глупыш, как отец-император мог вас забыть? Без неудач не стать умнее. Ты раньше не знал коварства мира и постоянно причинял отцу и старшему брату неприятности. Сейчас, когда никто не может защитить тебя и когда ты попал в нелюбящие руки, что ты ощущаешь? Будучи сыном императора, нужно следить за своим поведением и беречь своё счастье, понимаешь?

— Родной сын понимает, родной сын раньше не знал своего счастья. — Юн Линь, задышавшись от слёз, кивал и, подняв взгляд, умолял императора Янь-ди: — Ваш родной сын ошибся, а отец-император только и мог, что строго наказать его, чтобы родной сын пожелал признать свою вину. Только умоляю отца-императора смилостивиться и пощадить старшего брата Юн Шаня. Старший брат Юн Шань, его... его подвергли невзгодам, и очень жестоким! — Говоря об этом, юноша вновь залился слезами.

Мужчина вздохнул и перевёл взгляд на Юн Шаня.

Наследный принц, впервые за долгое время увидев императора Янь-ди, также резко изменился в лице, но сейчас, вернув себе спокойствие, смотрел на отца-императора, который, в свою очередь, направил на него свой взгляд. Прилагая все усилия, юноша поднялся с кровати и, опустившись на колени, шёпотом сказал:

— Ваш сын приветствует отца-императора.

Сегодня вновь подвергшись избиению, юноша был весь в ранах, и каждое движение тотчас же отзывалось резкой болью в теле, отчего он сжимал кулаки, вонзая в ладони ногти, однако на его лице сохранялись спокойствие и умиротворение.

Огненный император Янь-ди похлопал стоящего на коленях, рыдающего и огорчённого третьего сына:

— Юн Линь, можешь идти. Отец-император хочет сказать твоему старшему брату несколько слов.

На самом деле в душе Юн Линь многое хотел высказать Огненному императору Янь-ди, однако, получив урок и будучи во Дворце Наказаний, юноша уже многое понял. Сталкиваясь с неприятностями, сначала нужно было всё обдумать, поэтому, услышав приказ императора, Юн Линь подумал и посчитал, что отец собирается тайком поговорить со старшим братом Юн Шанем. Вероятно, настал переломный момент, однако самому юноше ни в коем случае нельзя было портить такой удобный случай.

Поспешно отозвавшись и потирая глаза, Юн Линь поднялся и, следуя за двумя придворными евнухами, вышел из камеры. Поскольку в комнате Огненный император Янь-ди вёл секретный разговор с наследным принцем, никто из слуг не смел подходить слишком близко, и, отойдя от камеры на дальнейшее расстояние, они застыли в ожидании.

В помещении остались лишь отец и сын.

Сидя на мягком стуле, Огненный император Янь-ди, осмотрев мрачную и холодную камеру, взглянул на Юн Шаня.

Наследник престола, на которого возлагали большие надежды, юноша, находящийся в цветущем возрасте, выдающийся и красивый, а сейчас незадачливый и вызывающий жалость, обнажил израненное запястье. Хоть его глаза по-прежнему горели воодушевлением, однако сам Юн Шань был заточён в тюрьму.

Всё это произошло на самом деле по его собственному молчаливому согласию.

— Юн Шань, подойди. — Огненный император Янь-ди в душе был недоволен и, открыв рот, проговорил: — Встань перед Нами на колени, есть кое-что, о чём Мы хотели бы тебя спросить.

— Слушаюсь. — Юноша, стиснув зубы и приблизившись к отцу-императору, опустился на колени.

Император внимательно следил за каждым движением и понял, что его сын получил действительно серьёзные раны, и хоть Сюань Хунинь уже давно тайком доложил ему об этом, однако сам мужчина не ожидал, что раны будут настолько ужасными. Сейчас увидев это, Огненный император Янь-ди невольно испугался и почувствовал сожаление.

Дождавшись, пока Юн Шань подойдёт и встанет перед ним на колени, император опустил голову и, долгое время смотря на него, спросил:

— Мы сегодня ездили во дворец наследного принца, чтобы навестить Юн Ци.

Юн Шань слегка вздрогнул и, опустив голову, не проронил ни слова.

— Он болен и скоро умрёт. Если и дальше проявлять равнодушие, то Мы боимся, что он не доживёт до весенних дней.

Юн Шань вновь задрожал всем телом.

Огненный император Янь-ди, опустив голову, посмотрел на его спину и изогнутую шею, которые иногда вздрагивали, словно юноша утратил своё хладнокровие.

Наследный принц стиснул кулаки, и с кончиков пальцев потекла алая кровь: должно быть, ногти очень глубоко вонзились в кожу.

Спустя долгое время Юн Шань, свесив голову, шёпотом отчеканил:

— Мысли Вашего сына известны отцу-императору. Отец-император проявил милость к Вашему сыну. Ваш сын не осмелится её забыть.

Тон Огненного императора Янь-ди был пропитан холодом:

— Ты сейчас так уверен, что Мы можем проявить милость?

— Гром [3], дождь и роса [4] — всё является милостью государя. Ваш сын только ждёт решения отца-императора.

В глазах Огненного императора Янь-ди царил гнев. Мужчина мельком взглянул на спину Юн Шаня, постепенно яростный взгляд смягчился, и, несколько раз вздохнув, император проговорил:

— Юн Шань, ты понимаешь, из-за чего Мы вынуждены были изменить первоначальное решение и лично явиться во Дворец Наказаний, чтобы увидеться с тобой?

— Ваш сын не знает. Ваш сын знает, что он никуда не годен. Ваш сын только и может, что позволить отцу-императору подвергнуть его наказанию и бездействовать.

— Ты как раз важен, за бездействие тебя никто не упрекает, — медленно произнёс Огненный император Янь-ди. — Ты не связывался с иноподанными, не относился с непочтением к Нашим желаниям, никого ложно не обвинял, также, не взяв шест, никого не втянул в этот омут [5], ни в одном слове не оговорился и не сделал неверных шагов.

Юн Шань никак не ожидал, что Огненный император Янь-ди на этот раз станет восхвалять и поощрять его. В душе юноша был потрясён:

— Отец-император...

— Государь правит Поднебесной, держится справедливости и не поступает опрометчиво. Если Сын Неба будет действовать необдуманно, то в Поднебесной будет царить лишь беспорядок, поэтому для государя самое важное — сдерживать слова, сдерживать боль и ясно видеть общую ситуацию. Не двигаешься, тогда и говорить нечего, а как двинешься, будешь словно гром и буря, не позволяя никому перевернуть небо и землю. Наследный принц, в сравнении с Нашими предположениями, выносливее. Наша душа опечалена, но вместе с тем радостна и спокойна.

Услышав это, Юн Шань понял, что уже погряз в непроглядной тьме, и, став закалённым, перенеся множество невзгод, во всяком случае должен уверенным шагом идти вперёд.

В душе все чувства перемешались, и некоторое время юноша ничего не мог сказать.

— Наследный принц, Мы спрашиваем тебя. На этот раз, когда ты был заточён во Дворце Наказаний, некоторые министры непрерывно подавали докладные записки с просьбой пощадить тебя, а некоторые просили Нас множество раз подвергнуть тебя наказанию. Как ты их накажешь?

— Министры на аудиенции открыто указали государю на его ошибки, таков их долг. Независимо от того, просят ли они пощады или клеймят, они всё же согласно императорскому порядку выполняют свой долг. С детьми и министрами нужно обращаться на равных, дружба дружбой, а служба службой, и не нужно делать различий между рангами.

— Тогда как ты накажешь Юн Шэна и наложницу Цзинь?

— Юн Шэн мелочный, завидует лучшему и более способному, нельзя позволять ему находиться у власти слишком долго, иначе это может закончиться несчастьем. Ваш сын может отправить его в далёкие земли как знатного человека, где он будет жить в богатстве, чести и отсутствии настоящей власти. Что же касается наложницы Цзинь, она является родной матерью Юн Шэна и, конечно же, захочет отправиться вместе с ним в пожалованные земли, где будет прислуживать ему.

В глазах Огненного императора Янь-ди мелькнул блеск:

— Ты не убьёшь его?

Юн Шань покачал головой:

— Нет.

— Он во Дворце Наказаний несколько раз подвергал тебя пыткам, и если бы не вмешательство Сюань Хуниня, то, Мы боимся, что ты бы вскоре умер. Ты хочешь пощадить его?

Тон Юн Шаня звучал легко, однако, произнося каждое слово очень отчётливо, юноша спокойно проговорил:

— Юн Шэн является кровным братом Вашего сына, отец-император знает это. Хоть у него дурное поведение, для того чтобы его наказать, нельзя опрометчиво убивать. Если он как следует поживёт, то больше не будет таить в сердце злобу, Ваш сын всячески будет обеспечивать ему сохранность.

Вдохнув холодный воздух, Огненный император Янь-ди спустя несколько минут печально проговорил:

— Мы упомянули Юн Шэна из-за того, что вспомнили Нашего младшего брата князя крови У. Если бы Мы в те года обладали такими мыслями, как у тебя, то никогда бы не допустили его смерти. В конце концов мы родные братья, и какими бы ни были размолвки, мы всё же выросли вместе. После его смерти Мы часто видели его во сне, а когда просыпались, Наша душа нестерпимо болела, корень болезни тогда тоже был захоронен. — Мужчина спрятал лицо, а из замутнённых старостью глаз выкатились крупинки слёз.

— Отец-император, не печальтесь. Отец-император подверг князя крови У наказанию согласно закону. Справедливо, и это видно всякому, у кого есть глаза.

В душе Огненный император Янь-ди знал, что Юн Шань лишь уговаривает себя, и, слегка кивнув, махнул рукой:

— Не стоит упоминать дела минувших дней. Мы с самого начала не оставляли мысли, что ты по крайней мере так же поступишь с Юн Шэном, заточив его во Дворце Наказаний. Однако кто бы мог подумать, что у тебя окажется такое сердце? Ты оправдал данное Нами тебе имя «Шань». В таком случае Мы спокойны. Ты даже Юн Шэну готов обеспечить сохранность и уж тем более не можешь не сохранить Юн Линя. Мы всегда беспокоились за твоего брата, он самонадеянный заступник обиженных, от природы способный навлечь на себя несчастье, драгоценность с невинной душой. В этот раз во Дворце Наказаний вы, братья, вкусили страданий, однако это позволило тебе узнать сердце твоего младшего брата. Столкнувшись с несчастьем, он совершенно не мог бросить тебя и уйти.

Юн Шань с детства и до взрослого возраста хоть и получал внимание Огненного императора Янь-ди, однако никогда не слышал, чтобы старый отец так много говорил. От услышанного на душе тоже стало тоскливо, несколько раз поклонившись в землю, юноша прошептал:

— Отец-император расположен к Вашему сыну, который в душе понимает это. На самом деле

Юн Линя посадили ни за что, отец-император насильно заточил вместе Юн Линя и Вашего сына ради того, чтобы он ухаживал за Вашим сыном, больше всего боясь, что Ваш сын по чистой случайности неожиданно столкнётся со злом.

Огненный император Янь-ди прибыл в тюрьму с шелковинкой неблагосклонности.

Величественный отец-император неожиданно сдался перед двумя сыновьями, которых не получалось ни сломать, ни разделить, в итоге мужчина всё же был вынужден лично явиться, чтобы распутать этот намертво затянутый узел.

Только после ответа Юн Шаня мужчина понял, что этот наследный принц, к удивлению, знал всё, о чём он, Огненный император Янь-ди, думал, отчего сам он невольно впечатлился.

Император всю жизнь тратил много сил и времени на решение проблем, и ему не приходилось говорить людям, что в глазах министров, которые были в царствующем доме, он, вероятно, лишь жестокий, бесчувственный и непредсказуемый, словно погода, император.

Кто бы мог подумать, что шестнадцатилетний ребёнок, вкусивший много горечи, ещё может понять его чувства и старания.

На самом деле он чувствовал, что упускает решение двух влюблённых, словно потерпев неудачу и признав своё поражение, только язык не поворачивался сказать об этом.

Сейчас в душе ему было легче примириться с неудачей.

Вслед за этим Огненный император Янь-ди продолжил спрашивать:

— А Юн Ци, как ты поступишь с ним?

Услышав этот вопрос императора Янь-ди, Юн Шань был потрясён, что почти обнажил свою боль, однако нельзя было захлёбываться словами. Стоя на коленях, юноша опустил голову и сказал:

— Ваш сын может позволить ему остаться во внутренних покоях дворца. Пожалую ему княжеский титул и сделаю ответственным за дела царствующей фамилии.

Заниматься делами императорской семьи — лучший и безукоризненный повод оставить Юн Ци во дворце.

Примечания:

[1] «В перевёрнутом гнезде не бывает целых яиц», обр. в знач.: в большой катастрофе ничто не может уцелеть; не избежать беды.

[2] Обр. в знач.: потерять власть, лишиться влияния, утратить былое величие.

[3] Обр.: гнев.

[4] Обр.: благодать.

[5] Похоже на высказывание «одним шестом переворачивать всю лодку с людьми», что означает «обвинять всех из-за ошибки одного человека».

<http://bllate.org/book/13372/1189620>